

Григорий Померанц

Вариации на тему Улицкой

Есть такой анекдот: еврей – это состав преступления, грузин – профессия, а русский – судьба. Один из фактов русской судьбы – РПЦ. У русской православной церкви есть соперники. Некоторые из них обрусели и быстро растут. Но за ними не стоит ни Рублев, ни Достоевский, ни философы серебряного века. Отмыслить их от православия невозможно. Остается путь реформ. Но каких?

Самую смелую программу выдвинул митрополит Антоний Блум, скончавшийся 4 августа 2003 года. Чувствуя приближение смерти, он выступил на конференции своей Сурожской епархии 8 июня 2000 г. с речью, опубликованной «Русской мыслью» в № 4327, 20–26 июля 2000 г., с.21. Вот несколько выдержек:

«Не упускаем ли мы момент, данную нам возможность стать из церковной организации – Церковью... Мне кажется, надо вкорениться в Бога и не бояться думать и чувствовать свободно... Это очень хорошо и важно – думать свободно, не стараясь приспособливаться; нужно, чтобы люди мыслящие и с широкой восприимчивостью думали и писали... нам нужны люди верующие, люди, которые встретили Бога. Я не говорю в грандиозном смысле, не каждый может быть апостолом Павлом – но которые хоть в малой мере могут сказать: я Его знаю!..

Помню, как я был смущен, когда Николай Зернов пятьдесят лет назад мне сказал: “Вся трагедия церкви началась со Вселенских соборов, когда стали оформлять вещи, которые надо было составлять еще гибкими. Я думаю, что он был прав – теперь думаю, тогда я был в ужасе...”».

В эти же дни, в разговоре с психологом Федором Василюком, Антоний выразился еще резче: «И как я рад, что церковь и попы не испортили мне чувства Бога!» Чем больше Антоний жил, тем проще и естественнее становился его язык, тем больше он опирался на незримое присутствие Христа, пережитое

им в 15 лет, при чтении Евангелия, и это «чувство Бога» пронизывает его беседы и проповеди. Он передавал предание по-своему, по-новому. И я был очень удивлен, что Сергей Аверинцев, с которым мы время от времени перекликались, назвал позицию Антония «мистическим анархизмом».

Я отшатнулся от этих слов. Сережа (прошу прощение, что буду называть его так, как звал в жизни) стал рассказывать, как он любит Антония, как всегда его любил, – но истина ему дороже, и склонность к мистическому анархизму, идущая от ранних славянофилов, ему чужда. Я решил не торопиться с оценкой и вспомнить правило Бора: глубокой истине противостоит другая, также глубокая. Надо было поискать за словами Сережи эту истину. Он не был противником реформ. За несколько лет до того, – кажется, еще при советской власти, – Сережа говорил мне: «Православие переменится или погибнет». Говорил, конечно, с верой, что переменится, но все же достаточно резко. И когда начались реформы, пытался сдвинуть и церковь, выступая с проповедями. В чем же различие двух программ?

Когда разгадка пришла в голову, она показалась мне почти очевидной. «Мистический анархизм» – плохие, неудачные слова. Но попробуем представить себе условия, при которых программа Антония может быть выполнена. Где взять по Антонию на каждую епархию? Вот он умер – и ни одного не вижу. Епархия в Англии случай особый, исключительный. Антоний начал с пары сот стариков, постепенно вымиравших. Новые прихожане приходили из англичан, захваченных огромным обаянием Блума, непосредственного чувства Бога в обезбоженном мире. Да и это – только приближение к цели, поставленной Антонием, только узнавание «встречи», а не «встреча». Полностью цель может быть достигнута, как сейчас говорят, виртуально, – с тысячью праведников после второго пришествия. Вот они все встретят Бога, «познают истину» (в евангельском смысле слова) и «истина сделает их свободными». Точка зрения Антония – эсхатологическая. Можно

назвать ее также точкой зрения «незримой церкви». Аверинцев исходил из другого: из церкви исторической, зримой.

Противопоставление зримой и незримой церкви принадлежит Августину: не всякий, принадлежащий к церкви зримой, принадлежит к церкви незримой; и не всякий, принадлежащий к незримой церкви, входит в церковь зримую. Зримую церковь начал строить Павел после Христа и сразу огородил ее правилами, канонами, чтобы слабые люди не потерялись. А сам Христос никакого христианства не создавал: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там и я с вами». Ему довольно было старой еврейской библии, но при свободе толковать ее и обходить закон, если закон противоречит сердцу. Но могут ли существовать церковь зримая и незримая, церковь Павла и Христа, друг без друга?

Потеряв незримую встречу (которая у Павла была), церковь превращается в омертвевшую «церковную организацию, того гляди – и в царство Великого Инквизитора. А незримая церковь, без опоры на традиции, на тексты – рассыплется на группы, где каждый раз надо будет доходить до глубины заново. Иначе говоря, зримая и незримая церковь не могут жить в оторванности друг от друга. Они нуждаются в перекличке, в диалоге, при постоянном господстве духа над буквой.

Что же, однако, делать, если диалог упирается в тупик? Антоний отвечает на это своим учением о Божьем следе. Оно было сформулировано еще в 1974 г., на конференции в Париже (Русский перевод Е.Л.Майданович в «Континенте» № 89, 1996 г.)

«Действия Христа рождаются изнутри глубинного созерцания, и только из глубин созерцания может родиться деятельность христианина. Иначе это будет деятельность, основанная на принципах нравственных, богословских или иных принципах; но сколь бы они ни были истинны, прекрасны, справедливы, они не соответствуют божественной динамике, внезапной динамике небывалого, непостижимого, в чем именно характерно действие Божье. Мы,

христиане, призваны жить на большей глубине, жить глубокой внутренней жизнью – не в смысле обращенности на самих себя. Мы призваны уйти глубже этой обращенности, и самая эта глубина позволит нам взглядеться долго, спокойно, пламенно-чисто в канву истории, канву жизни и благодаря такому созерцанию, глубокому взглядыванию различить в ней след Божий, нить Ариадны, золотую нить, красную нить, которая укажет, куда Бог ведет нас среди окружающей нас сложной целостности жизни. И тут громадная разница между мудростью и человеческой опытностью. Опытность – результат прошлого, накопленный человеческий опыт; она обращена к пережитому, опыту более обширному, чем личный опыт, и делает выводы интеллектуально основательные, точные, глубокие. А мудрость поступает «безумно». Мудрость состоит в том, чтобы погрузить свой взор в Бога, погрузить свой взор в жизнь в поисках того, что я только что назвал следом Божьим, и действовать безумно, нелогично, против всякого человеческого разума, как нас учит поступать Бог».

Не стоит разъяснять, что Антоний вовсе не против всех принципов и правил. Во многих случаях они целесообразны. Транспорт движется по сигналу «зеленый свет» и останавливается по сигналу «красный свет». Но жизнь в целом не так проста. На войне не вступают в переговоры с врагом, с ним воюют. Но с политическим руководством вражеской армии переговоры возможны и многие принципы, провозглашенные в ходе войны, отбрасываются ради мира. Английское правительство вступило в переговоры с политическим руководством ирландского террора и достигло соглашения с ним. Два бывших террориста, Менахем Бегин и Ясир Арафат, получили нобелевские премии мира за то, что вступили в соглашение друг с другом. Правда, это соглашение плохо выполнялось, но отсюда не следует, что оно не способно в будущем стать шагом к подлинному миру. В сложном и противоречивом мире любой принцип, последовательно и беспощадно проведенный до конца, где-то становится абсурдным. Божий след не проходил через трупы 350 детей. В Беслане русское правительство вело себя как Нина Андреева, не способная

отказаться от принципов, и дети погибли. История чеченской войны полна таких кровавых нелепостей. Беслан – только бьющий в глаза, режущий сердце пример. Церковь должна была оценить его так, как Филипп оценил опричнину. Она не сделала этого.

Паралич церкви, претендующей на ведущую роль, должен быть чем-то восполнен. Может быть, собором всех существующих в России религиозных общин. Может быть, религиозно-философским обществом вроде того, которое существовало в дореволюционной России. Я встречал творчески мыслящих людей среди православных (включая староверов), протестантов, католиков, буддистов, я разговаривал с ними, я убежден в плодотворности такого разговора. Я думаю, что он подтолкнул бы процессы размежевания и в православной церкви. В последнем своем интервью Александр Мень предупреждал об угрозе союза клерикалов с фашистами. Произошло опасное сближение с примером, уже бывшим в европейской истории – православным фашизмом румынской «железной гвардии». Когда убийство совершилось, Антоний оценил его без всяких скидок: «Это убийство не уголовное и не политическое, а изуверское и наш общий позор». Реплика была передана по БиБиСи и записана покойной Мариной Венецкой, я получил информацию из первых рук.

Сегодня достаточно подойти к киоску с церковной литературой и спросить, нет ли книг Меня, – вы услышите: «не даром топор падал»; «не даром его убили» и т.п. Процессы, идущие в православии, страшнее, чем неоязычество. Пора открыто заговорить о том, что соль перестала быть соленой и нечем посолить тесто.

Пора вспомнить слова одного из мучеников веры в коммунистических застенках, Рихарда Вурмбрандта: «Мы поняли, что число наших конфессий можно было сократить до двух: первой из них стала бы ненависть, которая использует обряды и догмы, чтобы нападать на других. Другая – любовь, которая позволяет очень разным людям опознать их единство и братство перед

Богом..» (Из книги «Христос спускается в тюремный ад». Перепечатано в сборнике «Мученики веры», М., 2002).

Примерно о том же писал Георгий Петрович Федотов: «Мы не спрашиваем, какой вы веры, но какого вы духа». Это завет XX-го века XXI-му: союз всех религиозных (и не религиозных) течений, основанных на любви, против варваров, использующих символы святости для разжигания ненависти и мести.